

ПОЯВЛЕНИЕ АРЛЕКИНА

Необычайно высветлилось сознание, но что ему освещать, если все подвалы вывернуты наизнанку? Вся нечисть из этих подвалов разбежалась в разные стороны. Остался только театральный задник, опустевшие декорации, внутри которых ничего не происходит. Театр опустел. Актеры разбежались, и публика разбрелась. Появляется в пестром лоскутном костюме Арлекин. Он один предан Театру, и даже отсутствие публики его не смущает. Тем более отсутствие коллег. Легкий взмах руки, и на сцене гаснет свет. Вдруг вспыхивают прожекторы. Лоскутный костюм переливается пестрым блеском.

— Мне не нужны слова, — говорит Арлекин, и изгибается в неестественную дугу. — «Слова, слова, слова». Я не Гамлет, чтобы зубрить одно и то же. Мне не нужны драмы. Мне не нужны зрители. Мне не нужны другие артисты: я могу быть каждым из них. Мне даже не нужен Театр: в любой голове я могу сколотить свои подмости. Даже в самой пустой. Чем больше пустоты в голове у человека, тем роскошнее мои декорации. Моему Театру не нужен репертуар. Я могу сыграть все. Любую пьесу. Любую роль. Любой жанр. Всем моим шалостям вы будете соперничать. Я знаю, как выжать из вас слезу. Я знаю, как вас рассмешить. Я знаю, чем вас можно увлечь и чем напугать. Вы же — как дети, не имеющие своих мыслей и лишь повторяющие мысли взрослых. Но кто тут есть взрослее меня? Никого. Я первым выбрался из Хаоса и первым встал на ноги. Вы все еще ползали на четвереньках, как животные, и агукали, как младенцы, а я уже сшил себе этот лоскутный костюм. Это я оживлял тени на стенах пещеры и развлекал вас жуткими сказками. Жаль, что вы ничего этого не помните. В вас так же мало памяти, как и разума.

Что-то ты разговорился, старый шут! Видать давно тебя не били дубинкой! Полежай обратно в коробку, или я вытряхну из тебя всю твою вековечную пыль!

ВОВРЕМЯ ВРЫТЬСЯ

На легком корабле подплываем к острову, затерянному в океане. В потоках ветра над кормой висят крикливые чайки. Чайки — морские поводыри, но им не ведома цель нашего скитания. Никто из нас, узников этого ветхого судна, не знает, куда плывем мы, куда несут нас ветры и что еще уготовила нам неумолимая Фортуна. Но вот в бескрайних просторах океана проглядывает призрачная точка. Остров. Земля. Если верить байкам мореходов, остров этот славен своими дикими карнавалами. Отправляются они как пародия на христианское богослужение. Мне со смехом молвит одноногий боцман, что однажды ему уже приходилось проплывать в здешних водах, и он высаживался на этом маленьком пятачке суши. О карнавале боцман вспоминает с явным удовольствием. Традиция их ведется со времен средневековья. Все население острова шествует по улицам города, выходит на побережье океана, организуясь в этакий буйствующий Парад Дураков. Разгульные кавалькады, крики, танцы, бой барабанов, шипящие огни факелов: ослиная задница легко здесь может подменить икону. Театрализованные шествия заканчиваются всенародными оргиями. Этнически обитатели этого острова выводятся из какой-то редкой, исчезнувшей породы, внешне чуть похожей на азиатскую. Но это какая-то особая раса, не известная европейской науке. Широкие скулы, серая обветренная кожа на узких костях, необычный разрез глаз (череп аборигена, попади он в руки алчных перекупщиков, имел бы немалую ценность и составил бы гордость любому антропологическому музею Европы, в Лондоне же за ним могла бы начаться настоящая охота). Одним словом, порода этих островитян весьма редкая. Тем эксцентричнее и гаже выглядят разнuzданные проявления дикарей в рамках христианской традиции. Боцман извлекает изо рта курительную трубку и, смачно плюнув за борт, продолжает свой рассказ. Неизвестно, кем было занесено христианство на этот далекий островок, ведь связи с материками у него нет никакой. Возможно, миссионерами здесь были пираты. Мы подплываем к берегу острова как раз в период таких дьявольских игрищ. Боцман спускается в трюм отдать последние распоряжения матросам. Навожу подзорную трубу на тонкую линию на горизонте. Не поручусь за всю команду (на судне гнездились много

разного сброда), но мне от увиденного стало дурно. Что-то мерзкое подступило к горлу — так, как это бывает у новичков во время «морской болезни». Но я-то ведь в море не новичок и давно уже всеми «болезнями» в своей жизни переболел. Толпа бесноватых дикарей шла вдоль берега кривой вереницей. Ветер едва доносил до нас лишенные мелодичности песни аборигенов, нестройные ритмы барабанов и визги флейт. Фабула процессии карикатурно воспроизводила воскрешение Христа, Его второе пришествие. Каждый год, в начале весны, из мужчин среднего возраста выбирается человек, исполняющий роль Спасителя. Среди аборигенов проводится жеребьевка, и, когда статист выбран, народ должен славить его и воспевать похабными шуточками и хвалебным смехом. Шествие островитян, оно было просто отвратительно: здоровый человеческий рассудок не мог бы измыслить такое. Счастливого избранника (этого Лжехриста) несли на примитивном троне: к нему тянулись жалкие калеки, старики целовали полы его пестрой одежды, матери подносили к нему грудных младенцев, в надежде получить благословение, подростки восславляли его плаксивыми гимнами, юные девы, сладчайшие девственницы, не знавшие порока, скабресничали у его ног. Избранником был молодой дикарь лет тридцати, вида женственного и даже явно гомосексуального. С рыжей крашеной челкой, свисавшей над узким прыщавым лбом: во взгляде его было что-то дегенеративное (такое выражение можно часто встретить у содомитов). Лицо дикаря, рябое, широкоскулое, было гаденько размалевано румянами и помадой, — выражалось на нем полнейшее самодовольство. Видно было, что он наслаждается минутой своего случайного счастья, смакует его, нимало того не скрывая и не стыдясь. Еще бы, чернь несла его на руках, его забрасывали цветами, его восхваляли. Это ли не счастье ничтожеств?! Повсюду, на шестах, развевались пестрые лоскутные вымпелы и хоругви, с выписанными на них непристойными афоризмами. Это были уродливые перевертыши известных библейских изречений (я не буду их здесь приводить). Впереди толпы обнаженная женщина вела на поводке молодую ослицу. И то и дело кто-то из мужчин подбегал к ней сзади и прилюдно с нею совокуплялся (я имею в виду ослицу). Шествие аборигенов завлекало нас ярким гротеском, боем барабанов и пьяными плясками: это было странное зрелище, и я бы сам не поверил в его реальность, не доведись мне увидеть все воочию. Наше судно почти

уже подошло к берегу этого поганого острова, как вдруг на горизонте выросла гигантских размеров волна. От моряков я, конечно, слышал про цунами, но не думал, что и мне доведется самому пережить этот кошмар. Острым резцом, волна стремительно двигалась в нашу сторону. Никто из аборигенов, однако, не замечал приближения цунами, все были всецело поглощены слепым безумием карнавала. Внезапно стало темно, как ночью: сквозь толщу воды больше не пробивалось сияние солнца. Судно наше от гула и давления, вызванного движением могучей водной громады, качнулось и затрещало по швам. Еще одно мгновение, и, казалось, обшивка корабля распорется, разлетится, как нищенская ветошь. Все мы сразу поняли, что нам угрожает смертельная опасность. Воля людей была парализована, скована цепенящим страхом (сужу по себе). Странно, но ни один матрос не попытался что-либо предпринять, чтобы сберечь свою шкуру: похоже, ни у кого просто не было веры в наше спасение. Вдобавок, мы налетели на скалу, нас стало затягивать сильнейшим водоворотом: думаю, что именно тогда большинство на судне в мыслях уже распрощалось с жизнью. Но тут вдруг произошло нечто невероятное (прежде я думал, что чудеса возможны только во сне и в священнописаниях): море под нами внезапно расступилось, разошлось. (На память мне почему-то пришла ветхозаветная история о погоне египетского фараона за Моисеем, исход евреев из рабства). Остров дикарей, как дурное видение, исчез, а мы всей командой очутились на зыбком каменистом дне. Волны под нами разбежались. Море чудесным образом сдвинулось, и судно наше из-под нас словно вымыло. Нас всех разбросало по сырому дну, и мы рассыпались по скользкой земле, увязая в ней, как посевные зерна. Огромные отвесные волны нависали над нами, закрывая небо. Отовсюду доносились крики, стоны, плачь и зовы о помощи, поглощаемые ревом грохочущих вод. Выбора не было, и не было времени думать: чтобы спастись, я решил поскорее врыться в землю. Пока глыбы волн не обрушились на нас, можно было попытаться это сделать. Я стал, разбивая руки в кровь, врываться в темный мокрый щебень, заваливать себя ракушками и тягучей глиной. Расчет мой был таков, что (если, конечно, я успею зарыться под землю) тяжелые волны пронесутся надо мною, меня не задев, и меня не смоет, не унесет смертоносным потоком. Так ребенок прячется ночью от своих темных кошмаров под маминым одеялом. В считанное мгновение я врылся в дно мор-

ское, не обращая внимания ни на унижительность своих действий, ни на возникший во всем теле дискомфорт: острые ракушки плотно облепили мое тело, сдавили его тесным слоем. Так я оказался под землей на глубине, примерно, в метр. По моим расчетам, волна должна была вот-вот обрушиться, упасть на меня грузной массой. Я запасаю дыханием в легких, суетливо протараторил молитву («Отче наш...»), малодушно зажмурил глаза: все, теперь будь, что будет. Тело мое было плотно стянуто каменистым покровом, как саваном. Мне вдруг подумалось, что в этой позе я похож на мумию фараона египетского, на труп, погребенный... Но времени закончить эту страшную мысль мне не хватило: чудовищная волна, сметая все на своем пути, пронеслась над бедною моею головой, унося невесомыми щепками корабли (и наш в том числе), и людей, не успевших последовать моему примеру. Всю команду (я, впрочем, никого не знал по имени, да и лиц, признаться, ничьих теперь не вспомню), — снесло ревущим потоком, как мусор. Меня придавило тяжелейшим грузом. Тело мое трясло и колотило так, словно поток шел внутри меня, будто он ревел под моей кожей. Холодные струи засочились сквозь камни, под которыми я укрылся (как-то эти круглые гольши назывались, но я теперь не вспомню их названия): поток все шел, шел и шел, и я на мгновение потерял способность мыслить. Через минуту шум прекратился, и ко мне вновь вернулся рассудок. Я понял, что опасность миновала, волна прошла. Не теряя времени (так как запас воздуха начинал иссякать), — я принялся судорожно выгребать себя из-под груды мокрых камней. Поначалу это было не просто, мне трудно было даже просто пошевелить плечом. Первые несколько движений я сделал с невероятным усилием. Но вот, наконец, толстый слой щебня поддался. Отгребая глину, я выбрался наверх, словно краб после отлива. Тяжело дыша, и жадно глотая воздух, выполз на поверхность: передо мной раскинулся голый бескрайний простор, — каменистая пустыня, уходящая далеко за горизонт. Волна, пробежав в неизвестном направлении, увлекла с собою и все море. Солнца в небе не было, словно и солнце было смыто водами с небес. От набега волн в живых осталась только небольшая горстка счастливых, — те, кто, как и я, успел вовремя врыться. И все мы сейчас, словно встающие в Судный день из могил мертвецы, выползли из-под вязкого земляного покрова, сбрасывали с себя водоросли и комья глины. Повсюду вокруг билась рыба, лишенная воды, но

нас это мало трогало. Больше внимание привлекали обломки затонувших кораблей вдали: вернее то, что можно было обнаружить в их трюмах. Любопытно было бы исследовать и руины вынесенных на поверхность древних городов, погибших тысячелетия назад: там, наверняка, нашлось бы, чем поживиться. Но, впрочем, и к руинам никто из спасшихся не рвался. Большинство из нас беспомощно ползало по вязкому дну на четвереньках, словно скот. Лишь некоторые, наиболее крепкие, с трудом смогли подняться на ноги, и с радостными криками кидались друг другу в объятия. Для всех для нас наше спасение было невероятным чудом. Меня лихорадило и кололо, и в суставах чувствовалась слабость. Я стоял на коленях, как пес, облепленный со всех сторон тягучей глиной и водорослями. Ко мне тоже подбежало несколько человек (лиц их я не помню, и никогда прежде не встречал этих людей), — они с дружескими криками кинулись ко мне, поздравляя меня со спасением, в которое и сам я, признаться, до конца еще не мог поверить. Я им попытался улыбнуться, но тут же почувствовал, что рот мой набит песком, ракушками, водорослями и мелкими камнями. Грязь отяжеляла душу. Мне стало неприятно, и я принялся судорожно отплеиваться, выковыривать изо рта всю эту горькую дрянь. Много ракушек, ила и песка вышло из меня, и даже несколько маленьких креветок, но часть этой гадости (я ощущал) все еще отягощало мои внутренности. Я долго отплеивался, пока, наконец, кто-то из спасшихся не протянул мне флягу с какой-то красноватой пахучей жидкостью. Я выпил этот приятный сладковатый напиток, и мне сразу же стало гораздо легче: это было вино.

